

- ²⁰ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.). М., 1946. С. 12.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 13.
- ²³ См.: *Городецкий Г.* Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история, 1990. № 6. С. 61–78.
- ²⁴ The Foreign Office and the Kremlin. British documents on Anglo-Soviet relations, 1941–45. Cambridge University press, 1984. P. 15. Подробнее см.: *Gorodetsky G.* Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–42. Cambridge University press, 2002. P. 163.
- ²⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 861.
- ²⁶ 14 июня, 27 июня, 7 июля, 24 августа и 4 октября 1940 года и в феврале 1941 г. – АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3, П. 8. Д. 81. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (2). М., 1998. С. 48.
- ²⁹ Там же. С. 60–61.
- ³⁰ Там же. С. 61.
- ³¹ Дело в том, что в штабе британских войск на Ближнем Востоке в Каире был разработан чрезвычайный план противодействия возможному прорыву немецких войск на Кавказ или в Турцию. План предусматривал как оборону северного Ирака, так и вступление британских войск в северный Иран. Секретность штабных разработок сохранить не удалось. Практически сразу об этом стало известно египетскому королю Фаруку. И он, обеспокоенный судьбой своего родственника-шаха (сын и наследник которого был женат на его дочери) через посла в Тегеране в конце июня проинформировал Резу-шаха о деталях намечавшейся военной операции против Ирана. (*Stewart R. A.* Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N.Y., 1988. P. 57).
- ³² АВП РФ. Ф. 094. Оп. 26. П. 331. Д. 5. Л. 299–300 ; ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 86–87
- ³³ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 116–117.
- ³⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. М., 2014. С. 148.
- ³⁵ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 128.
- ³⁶ Дипломатический вестник. 1993. № 21–22. С. 74–77.
- ³⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны (далее – Переписка Председателя Совета Министров СССР...) : в 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 17.
- ³⁸ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 120.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 120–121.
- ⁴¹ Там же. С. 121–122.
- ⁴² Там же. С. 122–123.
- ⁴³ Там же. С. 123.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ С. Криппс не только доложил А. Идену о переговорах с советским руководством, но и посоветовал своему министру «побудить советское правительство подкрепить дипломатический демарш концентрацией войск на северной иранской границе» и предложил, чтобы британцы обдумали инсценировку подобной военной угрозы вдоль южной иранской границы. (The National Archives of Great Britain, FO 371/27230/E3707).
- ⁴⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 18.
- ⁴⁷ ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV С. 129–131.
- ⁴⁸ Там же. С. 132.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.
- ⁵¹ Советско-английские отношения ... Т. 1. С. 82
- ⁵² О военном аспекте рассматриваемых событий см.: *Голуб Ю. Г.* 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4 ; *Он же.* Малоизвестная страница великой войны : советская оккупация Северного Ирана в августе–сентябре 1941 г. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf> ; *Любин Д. М.* Ввод Красной армии в Иран летом-осенью 1941 года : Причины, осуществление, последствия. Саратов, 2005 ; *Оришев А. Б.* В августе 1941-го. М., 2011 ; *Холдеев Ф. П.* Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 9.

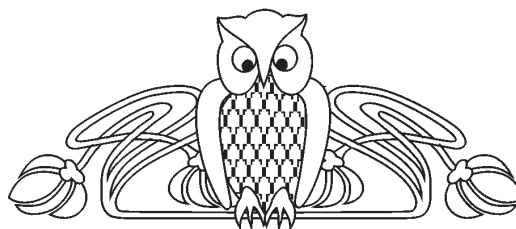
УДК 94(470.62/67).084.8|1941/1945|

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАСПАДА СОЮЗА ССР

А. П. Мякшев

Саратовский государственный университет
E-mail: myakshv@mail.ru

В статье исследуется роль национальных движений депортированных народов в распаде Советского Союза. Анализируются программы национальных движений, главной целью которых было создание независимых национальных государств.

Сделан вывод о том, что позиция лидеров национальных движений в условиях резкого ослабления Центра и усиления республиканских национальных элит стала губительной для единого государства.

Ключевые слова: депортация, реабилитация, этнос, национальность, республика, межэтнический конфликт, автономия, независимость.

National Movements of the Deported Peoples as a Factor of the Dissolution of the USSR

A. P. Myakshev

The role of the national movements of the deported peoples in the process of the USSR dissolution is investigated in the article. The programmes of the national movements and its main purpose – creation of independent national states – are analysed in the article. It is made a conclusion that the national movements' leaders position in the setting of the weakened center and the republican national elites strengthening has become disastrous for the integrated state.

Key words: deportation, exoneration, ethnos, nationality, republic, interethnic conflict, autonomy, independence.

Российская империя, СССР и Российская Федерация являются стержневыми державами российской цивилизации. Российскую империю уничтожила буржуазия в феврале 1917 г. Сегодняшняя либеральная идеология пытается большевиков представить в виде палачей, как российской империи, так и буржуазной демократии. На самом деле – большевизм объективно в довольно противоречивой советско-социалистической форме спас российскую державность. Однако большевики, реализовав на практике одну из стержневых идей либерализма о праве этноса на высшую форму самоопределения – создание своей государственности, обрекли СССР на гибель и создали для мирового капитализма основу для наступления на последний оплот русской цивилизации – РФ.

Национальные движения немцев, крымских татар, турок-месхетинцев, курдов, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев собственно возникли из механизма большевистских манипуляций с идеей этнократической государственности, т. е. с правом определенного, скажем, титульного, этноса иметь большую власть на некой, скажем, «этнической» территории. Депортация большевиками рассматривалась как исключительно вопрос тактики: в 1920-е гг., чтобы привлечь на свою сторону «отсталые» народы, наделили государственным статусом, в годы войны, борясь с коллаборационизмом, этого статуса лишили. Национальные движения депортированных народов имели две цели – возвращение на родину и воссоздание своего государства. Первая идея была популярна среди народа, вторая была возжеленной мечтой этноэлит, хорошо сохранившихся и укрепившихся в условиях ссылки. Национальные элиты отлично разбирались в главном отличии России и Запада: в России – священна власть, Запад – мир священной собственности. Россия – вертикальное государство, поэтому национальные элиты понимали, что, создавая и укрепляя, воссоздавая и развивая свою государственность, они ослабляли российскую власть, российскую вертикаль.

Политические элиты депортированных народов сумели реализовать свои замыслы в период

перестройки, когда на ослабевшее Советское государство начали наступление мировой капитализм и демократы-либералы. Уже в начале перестройки национальные движения четко обозначили свои приоритеты. Только с апреля 1985 г. по апрель 1987 г. в Москве побывало 7 делегаций (121 человек) крымских татар¹. В июне 1987 г. состоялось Всесоюзное совещание активистов национального движения крымских татар. Главным, а зачастую единственным, стало требование воссоздать автономию в Крыму². Власть не сразу осознала опасность. Дискуссии на заседаниях Политбюро, «совершив полный круг и перебрав все варианты – разрешить переезд в места прежнего проживания, выделить для них специально новую территорию, ввести квоты на расселение и прочее, – возвращались, как правило, в исходную точку, то есть «пока» оставить все как есть». А. С. Грачев вспоминает, что М. С. Горбачев «закруглял дебаты»: «Уйти от этой проблемы не удастся. Все надо основательно продумать. Крым татарам мы отдавать не можем – слишком много там за прошедшие годы изменилось»³. На заседании Политбюро ЦК КПСС 9 июля 1987 г. возможность восстановления крымской автономии путем возвращения области под юрисдикцию РСФСР была отвергнута, поскольку несла в себе угрозу ухудшения отношений между Украиной и Россией. М. С. Горбачев считал недопустимым создание на этой почве «трещины в славянском ядре «социалистической империи»». А. И. Лукьянов и В. М. Чебриков высказали предложение создать для татар в Крыму специальный автономный округ, но и оно было отклонено⁴. Между тем в 1987 г. в Крыму было уже прописано 6041 человек крымско-татарской национальности, большинство из которых также высказывали требования о восстановлении Крымской АССР, о возврате всех крымских татар в Крым, о возвращении домов, о необходимости установления для татар преимуществ перед другими гражданами в вопросах прописки, купли-продажи жилых домов, предоставления жилья⁵.

В этом же направлении активизировалось движение немцев Поволжья. Из Энгельса Саратовской области И. А. Герман в письме в Совет национальностей обосновывал необходимость воссоздания АССР НП тем, что в Саратовской области уже живут 14000 немецких граждан «и каждый день это число увеличивается». Дополнительным аргументом в пользу восстановления АССР НП Герман считал тот факт, что «это мнение и многих русских товарищей»⁶. Все другие предложения в отношении судьбы немцев в основном сводились к вариантам воссоздания государственности в различных регионах СССР. Так, Э. Л. Бахмайер из Мюнхена в 1986 г. в письме к М. С. Горбачеву предлагал при определении территории исходить из реально сложившегося положения. Так как советские немцы, отмечал Бахмайер, в большинстве своем проживают в

Казахстане, Сибири и на Алтае, в одном из этих районов и можно было бы создать автономию, равно как и «в одном из осваиваемых районов по Байкало-Амурской магистрали». Предпочтение, правда, при этом отдавалось «территории вокруг Славгорода» в Алтайском крае, поскольку «там большой процент немецкого населения, издается газета «Роте Фане», педагогическое училище готовит учителей начальных классов по специальности «немецкий язык как родной»». По его мнению, это могло бы вызвать «обратный поток определенной части советских немцев, покинувших в разное время Советский Союз»⁷.

Справедливости ради следует отметить, что в начальный период перестройки появившийся «русский фактор», связанный с проблемой неравнозначности положения РСФСР и ее регионов в советской национально-государственной структуре, также находился в тисках проблемы образования все новых государств на советских просторах. Например, предложения председателя Совета по комплексным проблемам территориальной организации советского общества при Президиуме Географического общества СССР, доктора географических наук Б. С. Хорева сводились к выделению из РСФСР Сибирской ССР в составе Новосибирской, Омской, Тюменской, Кемеровской, Иркутской областей, Алтайского, Красноярского краев, Тувинской АССР; Дальневосточной АССР в составе Хабаровского краев, Читинской, Амурской, Магаданской, Камчатской, Сахалинской областей; а также к преобразованию Якутской и Бурятской автономных республик в Якутскую ССР и Бурятскую ССР⁸.

Ученые вообще все дискуссии сводили к проблеме форм самоопределения наций. В декабре 1988 г. на заседании круглого стола в группе научных консультантов при Президиуме Верховного Совета СССР на тему «Конституционные проблемы развития советской федерации» И. О. Бишер из Латвии, к примеру, утверждал, что «в создании суверенитета были все-таки основные нации». Этим он вызвал недоумение М. Н. Губогло: «Чувствуется, что Вы настаиваете на том, что право на самоопределение имеет только нация?»⁹. Н. М. Шаститко полагал, что «для народов некоренной национальности» совершенно справедлива постановка вопроса о культурно-национальной автономии, но С. А. Авакьян считал, что когда возникает вопрос о культурно-национальной автономии, то он «перекатывается на политическую плоскость»¹⁰. Г. В. Старовойтова вообще высказывалась за то, что «право наций на самоопределение выше принципа целостности территориальных и национально-государственных образований»¹¹.

Тяга к национальному самоопределению охватила, пожалуй, все народы и уровни национальной государственности. Национальный вопрос в советской федерации упорно замыкался в рамках обязательности наделения того или

иног этноса собственной государственностью. В апреле 1989 г. А. Гришкевич с тревогой писал руководству, что подобные проблемы остро стоят на Северном Кавказе. К примеру, член СП СССР З. А. – М. Яндарбиев (будущий президент самопровозглашенной республики Ичкерия. – А. М.), выражая мнение «определенных слоев населения», считал, что «для решения национально-территориального вопроса чеченцев и ингушей необходимо обеспечить им право на образование отдельных Чеченской и Ингушской республик»¹².

Со стороны представителей титульных этносов требования автономии воспринимались как «покушение на суверенитет коренной нации» и вызывало «естественную защитную реакцию». Характерным в этом отношении явилось обращение в марте 1989 г. заведующего сектором управления делами Президиума Верховного Совета Казахстана Т. С. Джилтирова в Президиум Верховного Совета СССР¹³.

Создавать национальные автономии в Казахстане «в срочном порядке», полагал Джилтиров, нецелесообразно, так как не созрели предпосылки. Коренное население, продолжал чиновник, не поймет, «когда на лучших землях Казахстана будут возникать немецкие, курдские, «туркские» автономные районы и области», тем более, что «все эти национальные меньшинства в основном обжили те исконно казахские регионы», где лучше климат, плодороднее почва, больше влаги. Создание национальных автономных районов и областей, считал он, может привести «к постепенному вытеснению коренных жителей в отдельные пустынные необжитые просторы Казахстана»¹⁴.

Весной 1989 г. стало заметно стремление власти адресовать решение возникающих проблем в национальной сфере Совету национальностей. 2 марта в Президиуме Верховного Совета председатель Совета национальностей А. Э. Восс принял группу советских немцев, которые вновь поставили вопрос о восстановлении АССР немцев Поволжья. Восс сообщил А. И. Лукьянову, что немецкая проблема осложняется тем, что полностью отсутствует информация об отношении советского руководства к этой проблеме, что ряд руководящих работников Саратовской и Волгоградской областей пытаются «поставить под сомнение целесообразность даже обсуждения такого вопроса» и препятствуют переезду немцев в районы их прежнего местожительства¹⁵.

Восс привел тревожные данные МВД СССР о том, что в 1988 г. в ФРГ выехали 51983 человека, и по сравнению с 1987 г. число эмигрантов возросло в 3,3 раза. В январе 1989 г. их численность составила 6607 человек, что в 3 раза больше в сравнении с этим же периодом 1988 г. Председатель Совета национальностей полагал, что в связи с остротой сложившейся обстановки было бы целесообразным рассмотреть предложения советских немцев и передал письмо Координаци-

онного центра содействия правительству в восстановлении АССР советских немцев на Волге, адресованное М. С. Горбачеву¹⁶.

В этом письме представители Координационного центра К. К. Бах, Р. Р. Бендер, Г. Г. Вормсбахер, Ю. А. Гаар, Р. А. Корн, Я. И. Лехман заявляли, что единственно верным решением проблемы является «восстановление Немецкой автономной республики на Волге и образование немецких национальных районов и сельсоветов там, где это возможно, в местах сегодняшнего проживания советских немцев»¹⁷.

13 апреля 1989 г. А. Э. Восс провел встречу с представителями ингушской национальности Чечено-Ингушской АССР. Суть их требований изложил один из членов делегации М. А. Яндиев: «Вопрос стоит... о создании Ингушской автономной республики с центром в г. Орджоникидзе». Восс поинтересовался, «интересы каких народов затрагивает решение этого вопроса». Яндиев признал, что при положительном решении его «в какой-то степени произойдет ущемление интересов осетинского народа»¹⁸.

Начавшееся летом 1989 г. противостояние на Волге также вызвало вопрос о восстановлении автономии немцев. Трудно согласиться с утверждением о том, что «неприятие идеи восстановления справедливости... разделяет ограниченный круг людей»¹⁹. Коллективы заводов «Радон», «Коммунист» из Маркса, треста № 10 объединения «Саратовский», Красноармейской швейной фабрики и другие протестовали против автономии. Протесты приходили и из села Медведицкое Волгоградской области, а мнение коллектива Ровенского райотдела соцобеспечения было категоричным: «...автономия приведет к новому Карабаху. Мы – против»²⁰.

28 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял постановление «О выводах и предложениях комиссии по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа», в котором Совмину СССР поручалось образовать государственные комиссии для решения практических вопросов, связанных с восстановлением автономии, а комиссии Совета национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям предлагалось держать эту работу под постоянным контролем²¹. Данное решение было воспринято населением как факт окончательного и принципиального решения властей о восстановлении немецкой автономии на Волге. Это подтверждало и интервью в «Известиях» Г. С. Таразевича²². Ситуация накалилась до предела, в Саратовской области начался новый виток противостояния.

Уже 29 ноября 1989 г. Советский райком партии заявил, что «выводы комиссии о том, что наиболее приемлемым районом для восстановления автономии советских немцев является Поволжье, преждевременны и необоснованны»²³. Лидеры «Возрождения», указывалось в резолюции, с

самого начала своей деятельности настаивают «на немецкой автономии именно в Поволжье, несмотря на малочисленность в этих местах лиц немецкой национальности»²⁴.

В резолюции отмечалось, что в самом районе проживает 28600 человек 40 национальностей, из них около 400 немцев, и восстановление немецкой автономии «в местах, где для этого на сегодня не сложились необходимые социально-экономические и политические условия», «преждевременно и противоестественно» и «явится еще одной несправедливостью»²⁵.

В отношении крымских татар власть действовала гибче. 23 ноября 1989 г. Крымский облисполком принял решение о разработке комплексной государственной программы переселения в Крым граждан крымско-татарской национальности. Переселение должно было осуществляться согласно расчету, и приоритет отдавался компактному расселению, принималось во внимание и место их проживания до выселения из области в 1944 г. Правда, определялась 3-километровая зона побережья Черного и Азовского морей, где «в целях сохранения резервных территорий всесоюзных здравниц и зон их влияния не допускать... расселения и строительства индивидуальных домов»²⁶.

8 октября 1989 г. в Карачаевске на съезде народов Карачая была принята резолюция с требованием «восстановить несправедливо отнятую у целого народа национальную государственность – статус Карачаевской автономной области с непосредственным подчинением органам государственной власти и управления РСФСР и СССР», а также рассмотреть вопрос о «предоставлении карачаевскому народу с совместно проживающими с ними другими народами статуса Карачаевской АССР» и считать впоследствии «возможным образование единой Карачаево-Черкесской АССР»²⁷. Эти требования карачаевцы подтвердили 13 октября на встрече в Совете национальностей, а А. Г. Урусов заявил: «Мы очень четко ставим вопрос – выход из Ставропольского края»²⁸.

Уже в апреле 1990 г. председатель Верховного Совета Татарской АССР М. Шаймиев называл Татарскую автономную республику «советским социалистическим суверенным государством, непосредственно подписывающим на равных отношениях с нынешними союзными республиками новый союзный договор как субъект обновленной федерации», и обещал, что «при этом республика признает нерушимость сложившихся границ». Шаймиев также полагал целесообразным установить особые договорные отношения между Татарской республикой и Россией, «определив разграничение полномочий по ряду позиций, представляющих взаимный интерес»²⁹.

Большую роль в осложнении ситуации на Волге сыграла вторая конференция «Возрождения», состоявшаяся 16–18 января 1990 г. в Москве.

Из 182 делегатов конференции в ответ на просьбу одного из ораторов поднять руки тем, кто верит в восстановление автономии, отреагировали 20 человек. Несмотря на то что ряд делегатов не исключали возможности образования автономии, к примеру, в Калининградской области, большинство высказались за немедленное принятие законодательного акта о восстановлении Немецкой АССР на Волге. Предполагалось, что уже в 1990–1993 гг. в район восстановления можно переселить 300 тысяч немцев, а к 1995 г. завершить процесс воссоздания автономии³⁰. Указывая на продолжающийся рост эмиграции немецкого населения из СССР, ряд делегатов выдвигали и ультимативные требования: обратиться в Международный суд в Гааге, организовать массовый выезд немцев в ФРГ и ГДР³¹.

Немецкий вопрос был актуален для многих территорий, где проживали представители этого народа. В Оренбургской области с лета 1989 г. немецкой общественностью была поставлена проблема образования немецкого национального района. Созданная в начале 1990 г. для решения этого вопроса областная комиссия под руководством секретаря обкома партии В. Голубничего пришла к выводу о том, что создание района «имеет смысл лишь в том случае, если будет решен вопрос в целом о государственности советских немцев и определен статус таких образований, как “национальный район” или “национальный сельский совет”»³².

Требование Оренбургского обкома партии к Верховному Совету об ускорении решения вопроса «государственности советских немцев» разделял Алтайский краевой Совет народных депутатов. Из Алтайского края, где проживало 128 тысяч немцев, в 1989 г. выехало более 2 тысяч немцев, в 1990 г. резко возросло количество заявлений на выезд³³. Практически незамеченным осталось обсуждение вопроса о проведении съезда немцев и образовании внутритерриториальной ассоциации, которая бы взяла на себя заботу «о представительстве и защите интересов населения этой национальности в настоящее время», на состоявшемся 7 июля 1990 г. совещании в комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета национальностей совещании³⁴.

Не обращали серьезного внимания на альтернативные варианты решения немецкой проблемы. Например, председатель Ленинградского немецкого общества Р. Шейде предлагал план по созданию компактных немецких поселений и на основе их образования агропромышленных комплексов. В сентябре 1990 г. Шейде в личном разговоре нашел понимание с Р. Н. Нишановым, однако эта интересная идея в дальнейшем даже не обсуждалась. Руководитель Ленинградского немецкого общества также считал, что «Возрождение» «слишком большое значение придает восстановлению автономии на Волге», не признает

альтернативных вариантов, хотя «сейчас не тот исторический момент»³⁵.

Зато национальная элита уже начинала обсуждение вопроса о власти. 19 декабря 1990 г. на заседании госкомиссии по проблемам советских немцев был обсужден проект постановления Верховного Совета СССР «О государственных гарантиях национального возрождения советских немцев». Данный законопроект предусматривал создание Национального Совета немцев СССР и наделения его полномочиями органа самоуправления и выразителя национального суверенитета немцев СССР. Вплоть до восстановления национально-территориальной государственности немцев СССР этот орган предполагалось наделить правом «избрания своих представителей в Совет национальностей» в количестве 4 депутатов и правом законодательной инициативы³⁶.

Активизации национальных движений репрессированных в 1940-е гг. народов способствовал указ Президента СССР 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», который в числе прочих признавал «незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека» репрессии по национальным мотивам³⁷.

Прошедший 23–24 ноября 1990 г. в Москве учредительный съезд репрессированных народов, организованный карачаевским обществом «Джамгат», балкарским обществом «Тере», обществом советских немцев «Возрождение», демократической партией Ингушетии «Нийсхо» и Народным фронтом Калмыкии, обвинил центральные и российские власти в том, что они «ничего не делают» по реабилитации народов, а «партийные «бюрократии» Осетии, Саратова, Грузии осваивают в это время заброшенные исконные земли репрессированных народов» с тем, чтобы заявить, что «свободных мест нет, а по живому резать нельзя»³⁸.

Съезд кроме организаторов собрал и делегации крымских татар, турок-месхетинцев, греков, представителей других репрессированных народов. На съезде присутствовали 10 народных депутатов Верховных Советов ССР и РСФСР, в том числе Р. Г. Абдулатипов, О. Сулейменов, М. Дарсигов. Вину за репрессии против народов делегаты съезда возложили на КПСС, были выдвинуты предложения организовать суд над КПСС, а чеченец Магомедов «предложил провести второй съезд в Кремле и добиться извинений Горбачева за беды, причиненные КПСС»³⁹.

Чтобы заставить власть решительнее действовать в «направлении полной реабилитации народов», выдвигались «целые программы»: оказание давления на депутатов, обращения к мировой общественности, объявление суверенитета упраздненных автономий, создание «правительств в изгнании», организация международных комиссий по определению ущерба

депортированным народам. На съезде доминировали представители карачаевцев: они больше всех выступали, председательствовал карачаевец Урусов, президентом Конфедерации репрессированных народов был избран карачаевец Алиев. Съезд прошел под знаком ислама: память о погибших от репрессий делегаты почтили молитвой из Корана⁴⁰.

Делегаты съезда репрессированных народов постановили, что «они будут совместными усилиями бороться» за восстановление государственности советских немцев, возвращение на историческую родину крымских татар, турок-месхетинцев, а также за «полный суверенитет государственных образований чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других народов в границах до репрессивных актов»⁴¹.

В 1991 г. инициативу в вопросе о реабилитации народов постепенно перехватили российские законодатели. Еще 11 декабря 1990 г. II Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О жертвах политических репрессий в РСФСР», в котором осуждалась практика насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление. 16 апреля 1991 г. в РСФСР был принят закон «О реабилитации репрессированных народов».

Уже в мае 1991 г. руководство отдела национальной политики ЦК КПСС подчеркивало, что закон при его реализации «без достаточно глубоких прогнозных оценок может вызвать серьезные последствия не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами». Выражалась обеспокоенность дальнейшим развитием событий, связанных с возможным пересмотром границ, а также тем, «как быть с теми районами, в которых изменилась демографическая ситуация»⁴².

Провозглашение Карачаевской Республики 17 ноября 1990 г. в условиях принятия закона 26 апреля 1991 г. вызвало требования казаков Зеленчукского и Урупского районов передать эти территории в состав Ставропольского или Краснодарского краев. В связи с реабилитацией казачества неизбежно возникала «казачья проблема». Уже в ноябре 1990 г. на съезде терского казачества и ногайского народа было высказано требование «восстановить территориальную целостность Ногайской степи и создать республику в составе РСФСР»⁴³.

Трагические события в станице Троицкая Сунженского района Чечено-Ингушетии показали, что конфликты между казаками и народами Северного Кавказа могут нарастать. В ночь на 28 апреля станица была обстреляна большим отрядом вооруженных боевиков-ингушей. Станица, телеграфировал 29 апреля Президенту СССР атаман большого круга терского казачества Коныхин, «окружена ингушами около 700 человек, которые держат под обстрелом жителей станицы», есть убитые, раненые⁴⁴.

Эти события привели к массовому оттоку русского населения из Чечено-Ингушетии. По данным секретариата ЦК КПСС, с 1989 г. по июнь 1991 г. за пределы республики выехало около 60 тысяч русских, в том числе из одного Сунженского района, где произошли столкновения между русскими и ингушами, – свыше 5 тысяч человек⁴⁵.

Стремление жителей станицы Троицкой к «организованному массовому переселению в русскоязычные районы РСФСР» начальник УПС МВД СССР генерал-майор Б. В. Воронов назвал «крайне дестабилизирующим ситуацию на Северном Кавказе фактором». Эта ситуация, заключал он, чревата усилением давления на русское население и может вызвать ответную реакцию в РСФСР, «стать отправной точкой распространения межнациональной напряженности далеко за пределами региона»⁴⁶.

8 июня 1991 г. Учредительный съезд чеченского народа провозгласил образование Чеченской Республики, избрал исполнительный комитет, задачей которого было определено формирование «правительственного кабинета», блокирование выполнения решений центральных и местных органов власти, организация гражданского неповиновения и забастовок. В конечном счете отмечалось в постановлении секретариата ЦК КПСС 21 июня 1991 г., преследуется цель «самороспуска нынешнего состава Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, проведения новых выборов и создания суверенного национального государства»⁴⁷.

В конце концов, весной 1991 г. Законом УССР «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики» крымская государственность была восстановлена. Было решено избрать дополнительно 11 народных депутатов Крымской АССР в Верховный Совет республики из числа представителей депортированных народов Крыма, в том числе от армянского, болгарского, греческого, немецкого – по одному, а от крымско-татарского – семь народных депутатов⁴⁸. Крымские татары считали это обманом и началась новая фаза борьбы крымских татар за свой статус внутри воссозданной Крымской АССР.

В июне 1991 г. Нишанов и Шишов сообщали А. И. Лукьянову, что в Крыму активизировалась подготовка к Всесоюзному съезду (курултаю) крымских татар, которая началась более года назад, и крымские власти предпринимают меры к тому, чтобы он не осложнил межнациональную ситуацию. Особо «беспокоят намерения экстремистского крыла крымско-татарского национального движения образовать параллельные структуры власти в виде меджлиса». Они предлагали, ссылаясь на мнение Председателя Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багрова, провести встречу в Совете национальностей с представителями оргкомитета курултая и руководства

национального движения крымских татар ОКНД, предварительно поручив Всесоюзному НИИ советского государственного строительства и законодательства подготовить экспертную оценку устава меджлиса⁴⁹.

Восстановить немецкую автономию на Волге в 1991 г. не удалось. В марте 1991 г. «Возрождение» провело чрезвычайный съезд, на котором были выдвинуты ультимативные требования власти. Это привело к новому обострению ситуации.

Члены оргкомитета съезда во главе с Б. В. Раушенбахом продолжали настойчиво добиваться принятия руководством страны конкретных мер по решению проблем советских немцев, на Волге ширилось движение против немецкой автономии. Продолжался выезд немцев в ФРГ, за три месяца 1991 г., по данным УВД Саратовского облисполкома, поступило 90 ходатайств от немцев о выезде их за границу⁵⁰. Во время встречи 7 мая 1991 г. Президента СССР М. С. Горбачева с представителями советских немцев было подчеркнуто, что «восстановление немецкой государственности в Поволжье возможно лишь в условиях сочетания интересов всех народов, проживающих в этом регионе»⁵¹.

В октябре 1991 г. новое областное руководство констатировало наличие угрозы возникновения нового очага межнациональной напряженности и обострение обстановки в регионе (речь шла даже об актах гражданского неповиновения). На 7-й сессии областного совета было заявлено о невозможности воссоздания немецкой автономии в любой форме. В условиях раскола общества представители «Демократической России» выступили в поддержку требований немцев⁵². Конфликт на Волге продолжался.

Таким образом, национальные движения депортированных народов, провозглашая цели создания своих собственных государств, по сути, стремились к восстановлению суверенитета своих народов в рамках «единого» государства. Идея двойного суверенитета неизбежно вела к разрыванию, расчленению ткани единого государственного организма, а в условиях резкого ослабления позиций Центра и усиления национальных элит, полностью перешедших на этнократические позиции, стала губительной.

Примечания

- 1 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 1665. Л. 20.
- 2 Там же. Л. 30, 31.
- 3 *Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001. С. 263.
- 4 Союз можно было сохранить. М., 2007. С. 15.
- 5 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2201. Л. 42.
- 6 Там же. Д. 2142. Л. 14.

- 7 ГАРФ. Д. 2142. Л. 7, 8.
- 8 Там же. Д. 2141. Л. 3.
- 9 Там же. Д. 4178. Л. 22.
- 10 Там же. Л. 38, 39.
- 11 Там же. Л. 43.
- 12 Там же. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 103. Л. 11.
- 13 Там же. Л. 2.
- 14 Там же.
- 15 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Пер. 30. Д. 8. Л. 2.
- 16 Там же. Л. 2 об.
- 17 Там же. Л. 5.
- 18 Там же. Л. 8, 9, 10.
- 19 ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 116. Л. 12.
- 20 Там же. Д. 110. Л. 42, 43.
- 21 Там же. Д. 116. Л. 14.
- 22 Известия. 1989. 29 ноября.
- 23 ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 112. Л. 88.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Л. 89.
- 26 *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. М., 2002. С. 198, 199.
- 27 ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 119. Л. 8.
- 28 Там же. Л. 14.
- 29 Там же. Д. 182. Л. 43.
- 30 Там же. Д. 205. Л. 16, 17.
- 31 По данным «Возрождения», более 100 тысяч немцев покинуло СССР в 1989 г., а в 1990 г. было подано около 350 тысяч заявлений на выезд (ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 111. Л. 113).
- 32 ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 112. Л. 98.
- 33 Там же. Д. 112. Л. 115, 116.
- 34 Там же. Л. 117.
- 35 Там же. Оп. 6. Д. 205. Л. 108, 109.
- 36 Там же. Л. 116, 117.
- 37 Там же. Д. 333. Л. 2.
- 38 Там же. Л. 7.
- 39 Там же.
- 40 Там же. Л. 8.
- 41 Там же.
- 42 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 5. Д. 21. Л. 2.
- 43 Там же. Л. 4.
- 44 ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 318. Л. 15.
- 45 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 20. Д. 69. Л. 3.
- 46 ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 114. Л. 92.
- 47 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 20. Д. 69. Л. 3.
- 48 *Бугай Н. Ф.* Указ. соч. С. 45.
- 49 ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 6. Д. 320. Л. 131.
- 50 Там же. Д. 315. Л. 91.
- 51 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 5. Д. 21. Л. 5.
- 52 См. подр.: *Мякшев А. П.* Саратовский край в годы перестройки (1985–1991) // Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2002. С. 300.